

Смирнов М.

Эстонский союз участников Освободительной войны в 1929–1934 годах

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 5. С. 24–34.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 5, pp. 24–34.

Научная статья

УДК 94(47).084.6

DOI: 10.37482/2687-1505-V371

Эстонский союз участников Освободительной войны в 1929–1934 годах

Максим Смирнов

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия,

e-mail: maksmirn@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6850-0730>

Аннотация. Эстонский союз участников Освободительной войны (более известный как движение «вапсов») действовал в политическом поле первой Эстонской Республики в 1929–1934 годах. Данное движение было реакционным, занималось активной критикой действующей власти и продвигало различные националистические идеи. В ходе государственного переворота 1934 года движение было ликвидировано и обвинено в подготовке фашистского восстания для захвата власти в стране. В результате за «вапсами» плотно закрепилась репутация «эстонских нацистов», однако с 90-х годов XX века данная точка зрения подвергается сомнению, прежде всего со стороны эстонских историков. Настоящая статья рассматривает условия возникновения и деятельность Эстонского союза участников Освободительной войны в контексте степени его радикальности и схожести с фашистскими движениями эпохи. Изучаются структура организации и принцип управления ею, представления «вапсов» об общественном устройстве и «идеальном» государстве, роли религии, их отношение к другим национальностям и государствам, марксистскому и фашистскому движениям. По мнению автора, традиционно принятая в советской историографии классификация «вапсов» как «эстонских нацистов» ошибочна ввиду наличия серьезных различий между основными идеологическими тезисами движения и фашистской идеологией рассматриваемого периода как Италии и Германии, так и региональных соседей. В частности, автором выделены следующие ключевые отличия движения от других фашистских партий Европы характеризуемого временного отрезка: отсутствие явно выраженных авторитарных идей и «фюрерпринципа» в организации, а также антипатии к другим нациям и агрессивных внешнеполитических амбиций.

Ключевые слова: движение «вапсов», Эстонский союз участников Освободительной войны, первая Эстонская Республика, Эстония, фашизм, нацизм

Для цитирования: Смирнов, М. Эстонский союз участников Освободительной войны в 1929–1934 годах / М. Смирнов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 5. – С. 24–34. – DOI 10.37482/2687-1505-V371.

Original article

The Union of Participants in the Estonian War of Independence During 1929–1934

Maksim Smirnov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia,

e-mail: maksmirn@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6850-0730>

Abstract. The Union of Participants in the Estonian War of Independence (better known as the Vaps Movement) operated in the political field of the first Republic of Estonia in 1929–1934. The movement was reactionary and actively criticized the government as well as promoted various nationalist ideas. During the coup d'état of 1934, the movement was suppressed and accused of preparing a fascist uprising to seize power in the country. As a result, the Vaps were labelled as “Estonian Nazis”. However, since the 1990s this view has been questioned, primarily by Estonian historians. The article examines the conditions of the emergence and activities of the Union of Participants in the Estonian War of Independence in the context of its radicality and similarity to the fascist movements of that period. It studies the organization’s structure and management, the Vaps’ ideas about the social order, the “ideal” state and the role of religion, as well as their attitude towards other ethnic groups and countries and towards the Marxist and fascist movements. According to the author, the classification of the Vaps as “Estonian Nazis” that was traditionally accepted in Soviet historiography is flawed due to the serious differences between the movement’s main ideological theses and fascist ideology during the period under study, both in the case of Italy and Germany and in the case of Estonia’s regional neighbours. In particular, the author identified the following key differences of the movement from other contemporary fascist parties in Europe: no clearly expressed authoritarian ideas, no *Führerprinzip* in the organization, no antipathy towards other nations, and no aggressive foreign policy ambitions. **Keywords:** *Vaps Movement, Union of Participants in the Estonian War of Independence, first Republic of Estonia, Estonia, fascism, Nazism*

For citation: Smirnov M. The Union of Participants in the Estonian War of Independence During 1929–1934. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 5, pp. 24–34. DOI: 10.37482/2687-1505- 371

Изучение различных националистических и фашистских организаций остается актуальным и важным направлением исследования с точки зрения как исторической науки, так и политологии. Анализ исторических примеров позволяет лучше разобраться в формировании, предпосылках и основных идеях фашистской идеологии, в т. ч. и современного неонацизма. Рассмотрение идеологической составляющей Эстонского союза участников Освободительной войны (в простонародье «вапсов» – назва-

ние появилось как сокращение первых букв их официального названия «Vabadussõjalaste Liit»), действовавшего в политическом и общественном поле первой Эстонской Республики, является, в свою очередь, особенно перспективным направлением из-за слабой разработанности темы в отечественной историографии. Следует отметить, что за пределами Эстонии в целом мало исследований по указанной теме с детальным анализом. Сказалась как нехватка источников ввиду закрытых архивов в советский

период, так и языковой барьер, что привело к достаточно неоднозначной характеристике идеологии «вапсовского» движения.

С одной стороны, иностранные историки традиционно классифицируют «вапсов» как фашистское движение – такой точки зрения придерживается, в частности, финский историк Сеппо Зеттерберг, хотя и не проводит детального анализа идеологии движения в своей монографии [1, с. 262]. С подобной позицией соглашается и американский политолог Курт Вейланд, классифицируя «вапсов» как движение фашистского толка, но вместе с тем отмечая ряд идеологических особенностей, что отличали «вапсов» от других фашистских организаций рассматриваемого периода [2, с. 262–263]. Советская историческая наука не изучала движение «вапсов» подробно, но характеризовала его как близкое к радикальному фашизму, считая «вапсов» «эстонскими гитлеровцами» и «фашистскими диктаторами», имеющими тесные связи с немецкими нацистами [3, с. 405]. Эстонские историки, в свою очередь, более осторожны в классификации и оспаривают точку зрения советской историографии. Видный исследователь «вапсов», историк Андрус Касекамп, изучив как архивные материалы (которые были недоступны вплоть до восстановления независимости Эстонии), так и работы своих предшественников, пришел к выводу, что, хотя в идеологии «вапсов», безусловно, можно найти сходства с фашистскими движениями эпохи, идеологические различия чересчур масштабны, чтобы классифицировать их как настоящих фашистов [4, с. 159]. Яак Валге, рассматривая контакты «вапсов» с немецкими нацистами и сравнивая идеологию этих двух движений, приходит к заключению, что идеи «вапсов» не имеют ничего общего с нацизмом, а внятных доказательств контактов «вапсов» с нацистами не обнаружено [5]. Подобной точки зрения эстонская историография придерживается и поныне [6, с. 383–386]. Автор представленной статьи стремится взвешенно подойти к данному вопросу и, опираясь на эстоноязычные источники и литературу, осветить слабо-

изученную в отечественной историографии тему идеологической составляющей движения «вапсов».

Однозначно можно заявить, что Эстонский союз участников Освободительной войны был реакционным движением правого толка, исповедующим идеи национализма и антикоммунизма. «Вапсы» сумели стать мощной политической силой в первой Эстонской Республике, однако, несмотря на активную критику действовавшей в стране политической системы, Союз придерживался традиционных способов политической борьбы в виде агитации, создания избирательной базы и участия в выборах. Опасаясь активной политической деятельности «вапсов» и их популярности, государственный старейшина республики Константин Пятс в 1934 году осуществил военный захват власти и репрессировал движение, обвинив его в попытке фашистского переворота [7, с. 276]. Вопрос о том, насколько подобные действия были оправданными, остается открытым: ряд историков традиционно считает действия Пятса верными ввиду реальной угрозы установления праворадикального и авторитарного режима под эгидой «вапсов» в случае их победы на выборах [1, с. 262–264; 8, с. 324–325]. Альтернативной точкой зрения является убеждение в том, что Пятс руководствовался личными, корыстными мотивами, т. к. был не в состоянии добиться титула государственного старейшины законными методами. Введение чрезвычайного положения в стране позволило ему сосредоточить бразды правления в своих руках, при этом «вапсы» были использованы в качестве «козлов отпущения» [9, с. 164]. В любом случае никаких убедительных доказательств виновности «вапсов» в организации государственного переворота найдено не было: спустя год расследований и допросов так и не удалось собрать достаточно улик для выдвижения обвинения в государственной измене – в ходе суда лидеры движения были обвинены в «угрозе публичной безопасности и спокойствию» и отпущены из-под стражи с небольшими условными сроками [4, с. 110].

Для классификации движения «вапсов» в данной статье использованы сформулированные американским историком Стэнли Пэйном основные признаки фашизма [8, с. 7]: национализм, антилиберализм, антимарксизм, агрессивный милитаризм, стремление к внешней экспансии, вождизм и др.

Чтобы понять, как формировалось мировоззрение «вапсов», необходимо рассмотреть те реалии межвоенной Эстонии, в которых существовало движение. Прежде всего, Эстония сумела выйти победительницей из Освободительной войны – против и войск Рабоче-Крестьянской Красной армии, и прибалтийского ландесвера.

2 февраля 1920 года был заключен Тартуский мирный договор¹, закрепивший военные успехи страны. Хотя опасения угрозы со стороны могущественного восточного соседа по-прежнему сохранялись в обществе, идеи о реваншизме или внешнеполитических амбициях у населения отсутствовали.

Общество межвоенной Эстонии также оказалось крайне моногенным в политическом плане: ввиду отсутствия каких-либо государственных традиций у республиканского строя не было соперников консервативного толка. Не нашли благодатной почвы и идеи марксизма – в первую очередь сказывалось эхо Освободительной войны против Советской России. В дополнение к этому еще осенью 1919 года была проведена земельная реформа, в результате которой были национализированы земли, находившиеся во владении немецких помещиков и церкви. Позже конфискованная земля предоставлялась на льготных условиях эстонским крестьянам, благодаря чему последние получили и землю, и хлеб, а марксистская идеология лишилась крупнейшей прослойки своих потенциальных сторонников [1, с. 75]. Окончательно марксизм в Эстонии был «разгромлен» 1 декабря 1924 года, когда группа коммунистов из 300 чел. попыталась осуществить вооруженный государственный переворот. После столь радикальных

действий по свержению законного правительства антипатия к марксизму плотно укоренилась в эстонском обществе [10, с. 45–48].

В свете попытки переворота и для большей консолидации общества в 1925 году эстонский парламент принял закон о культурном самоуправлении для национальных меньшинств – те получали право на создание органов самоуправления, культурных заведений и образовательных организаций. В целом межвоенное эстонское общество оказалось очень однородным – большинство населения составляли этнические эстонцы (87,7 %), крупнейшими национальными меньшинствами были русские (8,2 %), немцы (1,7 %) и шведы (0,7 %) [1, с. 69]. Ввиду столь низкой численности иностранцев какой-либо дискриминации в их отношении не наблюдалось. Обращения в государственные органы принимались сразу на эстонском, немецком, русском и шведском языках, а представители этих национальностей регулярно входили в состав парламента как депутаты от Немецко-балтийской партии и Русского национального союза. Как немецкая лютеранская, так и русская православная церковь продолжали свою деятельность в межвоенной Эстонии без серьезных проблем [10, с. 49].

Несмотря на определенные экономические успехи в 1920-е годы, мировой экономической кризис не обошел стороной Эстонию и сильно ударил по благосостоянию молодой республики, вылившись в банкротства, резко возросший уровень безработицы и сильное падение уровня жизни. Экономический кризис особенно сильно обнажил изъяны политической системы страны [11, с. 118]. Принятая в 1920 году конституция оказалась чрезмерно демократичной – парламент избирался на всеобщих выборах каждые 3 года, правительство назначалось из членов парламента и было полностью ему подотчетно, должность президента отсутствовала. Все это привело к крайне нестабильному политическому климату в стране – с 1924 по 1934 год в Эсто-

¹Eesti-Vene rahuleping // Eesti RahvusArhiiv. 957. 10. 74.

нии сменилось 16 правительств, а их средний период функционирования составлял около 8 мес. И если политическая система страны с вызовами мирного времени еще справлялась, кризисная ситуация полностью парализовала парламент и правительство. Государство не могло предложить внятного решения экономических проблем, а среди населения все больше росло недоверие к правительству и звучали призывы усилить исполнительную ветвь власти [12].

Именно на этом фоне начинает свое возвышение Союз участников Освободительной войны. Данная организация, первоначально – ветеранская, без политических амбиций, вступает в политическое поле республики в конце 1920-х годов как «новая внепартийная сила» с целью преодоления сложившегося статус-кво. В 1932 году движение официально реорганизуется в партию и начинает активную политическую деятельность с намерением превратить ослабленную нацию в мощное национальное государство, решить проблему политического «болота» и экономического кризиса [11, с. 120–123]. Хотя изначально это была закрытая организация исключительно для ветеранов Освободительной войны, по мере ее преобразования в национальное движение в ряды «вапсов» стали принимать и неслуживших эстонцев, а политический «костяк» партии был сформирован из бывших центристов. Точная численность организации на момент ее запрета неизвестна. Эстонскими историками называются разные цифры – от 10 до 60 тыс. чел. [13, с. 91; 14, с. 334]. Наиболее достоверной выглядит цифра в 25 тыс. чел., выведенная историком Андресом Касекампом на основании уровня народной поддержки движения в 1930-е годы [4, с. 90]. Ввиду уничтожения большинства партийных документов о социоэкономическом положении членов партии судить сложно, однако уцелевшие списки из Нымме и Тарту свидетельствуют, что партия

была преимущественно представлена рабочим классом [4, с. 92–93].

Рассмотрение идеологии Союза осложняется тем, что «вапсы» видели себя скорее стихийными политическими активистами, нежели полноценной партией. Эволюционировало движение довольно быстро, в течение короткого периода политической деятельности с 1929 по 1933 год. Как следствие, «вапсы» не видели смысла в составлении планов или партийной программы, предпочитая сиюминутную агитацию, массовые мероприятия и громкие лозунги. Не нашлось в их числе писателей или видных идеологов, поэтому трудно говорить о том, что у движения была полноценно сложившаяся идеология. Для формирования общей картины идейных представлений «вапсов» можно использовать материалы прессы, в частности «вапсовскую» газету «Võitlus» (с эст. переводится как «Борьба»), интервью и речи представителей движения, мемуарику [15, с. 277].

Устав партии от октября 1933 года главной целью движения называл «превращение эстонского народа в действительно свободное и мощное национальное образование, интересы которого выше интересов отдельных лиц, а также обеспечение независимости эстонского государства, в котором все эстонцы будут иметь возможность мирно трудиться и достойно жить»². На страницах своей газеты «вапсы» писали о создании так называемого народного государства (эст. «rahvusriik») единой и сплоченной эстонской нации, где каждый член общества одинаково ценен и полезен, а конфликт между классами исчерпан. Общественная жизнь в таком государстве выстраивается на принципах коллективистской этики – правда, с точки зрения «вапсов», главенствующую роль играет нация: интересы как индивида, так и государства подчинены общим интересам эстонской нации, т. е. источником власти по-прежнему является народ, а не вождь или партия³. Таким образом, в основе идеологии «вапсов» лежали довольно

²Eesti Vabadussõjalaste Liidu põhikiri. URL: <https://www.etera.ee/zoom/11619/view> (дата обращения: 23.03.2024).

обыденные в то время идеи – в ключе интегрального национализма. Безусловно, подобную идею можно охарактеризовать как «про-тофашистскую», ведь эстонский «rahvusriik» во многом перекликается с немецкими идеями о «Volksgemeinschaft», однако эстонский вариант «народного государства» не вырождались в нетерпимость: во главу угла ставилось нравственное самосовершенствование эстонского народа, а не притеснение или унижение других наций. Более того, сами «вапсы» активно предупреждали об опасности превращения национализма в шовинизм и предостерегали от этого. Вместе с тем «вапсы» сторонились и концепции «элитарности» или «избранности» эстонской нации. По их мнению, принадлежность к нации определяется личным опытом человека и его чувством национального единения, но не антропологическими или расовыми признаками, а сама эстонская нация не является «лучше» или «хуже» других [4, с. 73].

Рассматривая национальный вопрос подробнее, можно отметить, что «вапсы» не испытывали антипатии к крупнейшему национальному меньшинству Эстонии – русским. Напротив, в период предвыборной борьбы 1934 года «вапсы» предпринимали активные (хоть и безуспешные) попытки заручиться поддержкой со стороны русскоязычного населения страны, ведя активную агитацию на русском языке в преимущественно русскоязычных регионах страны. Особенно активно «вапсы» пытались наладить отношения с общиной староверов, видя в них естественных союзников против идеологии марксизма, проповедующей атеизм [9]. Наибольшим нападкам со стороны «вапсов» подвергались немцы ввиду их поддержки ландесвера, с которым ветераны сражались в ходе Освободительной войны. Тем не менее эта антипатия носила прежде всего исторический, а не

национальный характер – в рядах «вапсов» были и этнические немцы, вставшие на сторону Эстонии в военные годы. В данном контексте следует иметь в виду и тот факт, что «вапсы» крайне жестко отреагировали на возвышение идей национал-социализма среди немецкого населения Эстонии после прихода Гитлера к власти, расценив их как угрозу существованию государства. Немецко-балтийская партия подверглась шквалу критики от Союза – «вапсы» призывали наложить ограничения на деятельность немецкого самоуправления, требовали «сменить “культурную ориентацию” страны с немецкой культуры на французскую или английскую» [4, с. 74–76].

Вместе с тем отношение «вапсов» к еврейскому населению Эстонии довольно противоречиво. С одной стороны, негативный образ еврейства можно отыскать в газете «Võitlus» – как в уничижительных карикатурах⁴, так и в контексте борьбы с неким «еврейским марксизмом»⁵ и просто «еврейством»⁶. С другой, подобные заявления носили несистемный характер и были явным исключением из правил – еврейский вопрос в принципе мало интересовал «вапсов» (так, в 1933 году слово «еврей» на страницах газеты появилось всего 55 раз), а связанные с ним термины зачастую использовались по назначению без негативной коннотации. Отдельно следует отметить и позицию «вапсов» по еврейскому вопросу в Германии. Здесь они также вступают в полемику с официальным курсом Национал-социалистической немецкой рабочей партии и считают нападки на еврейский бизнес провокацией со стороны самих нацистов, а расовую политику Германии подвергают разгромной критике⁷. Более того, среди поздравлений генерала Андреса Ларки с 55-летием можно найти и послания от различных еврейских организаций Эстонии⁸. В целом антисемитизм был слабо выражен в риторике

³Võitlus. 1933. 19 dets.

⁴Ibid. 1933. 5 aug.

⁵Ibid. 1932. 30 apr.

⁶Ibid. 1933. 9 mai.

«вапсов» и соответствовал реалиям данного исторического периода.

Образ «нового человека» в понимании «вапсов» также был не особо примечательным – на первое место ставились воинские добродетели: бесстрашие, верность, выносливость и любовь к Отчизне. Идеалом «вапсов» было построение сильного, милитаризированного государства с мощным национальным духом, создание «нового, честного и надежного эстонца»⁹. Основными проблемами на этом пути виделись коррупция, пагубное влияние современного «больного» общества, марксистская идеология, что сильно контрастирует с идеями национал-социализма о выведении чистокровного сверхчеловека арийской расы.

Следует подчеркнуть, что у «вапсов» не было никаких внешнеполитических амбиций. Разумеется, присутствовал страх перед идеологическим и историческим противником – Советским Союзом, поэтому «вапсы», безусловно, стремились к военному укреплению государства, но вместе с тем призывали к мирному сосуществованию и сотрудничеству со всеми народами и государствами [14, с. 351]. Подобная позиция сильно отличала «вапсов» даже от стремлений ближайших соседей – Финляндии и Латвии. Финское националистическое движение «Лапуа» грезило о создании Великой Финляндии – включении в состав страны всех территорий с преимущественно финно-угорским населением, а латвийский «Перконкруст» – об объединении стран Балтии в одно государство [16].

В контексте обсуждения идеологии «вапсов» стоит рассмотреть восприятие ими фашизма как такового. С одной стороны,

«вапсы» явно восхищались итальянским примером. В «Võitlus» публиковались различные статьи об итальянском фашизме: например, развенчивались негативные мифы об идеологии фашизма и объяснялись ее основы¹⁰, приводились доказательства эффективности фашизма в государственном управлении¹¹, а также приветствовался приход к власти Гитлера в Германии¹². Фашизм виделся «вапсам» инновационной и эффективной политикой, которая была в состоянии справиться с новыми вызовами эпохи. С другой стороны, «вапсы» постоянно дистанцировались как от немецкого, так и от итальянского примеров, считая, что в чистом виде фашизм не подходит для Эстонии. По мнению членов Союза участников Освободительной войны, из-за свободолюбия эстонцев фашизм в чистом виде был неприемлем ни для эстонской нации, ни для самих «вапсов», а моральный и физический террор виделся кощунственным [4, с. 55–56]. Они подчеркивали, что Эстонии необходимо найти свой, «третий путь», подходящий под местные реалии.

В данном отношении «вапсы» всегда отрицали какие-либо амбиции, направленные на захват власти. Они видели будущее устройство государства больше похожим на президентскую республику по примеру США, нежели на диктаторские режимы в Италии и Германии. Верховная власть, по их мнению, должна была по-прежнему принадлежать народу, который вверяет ее как парламенту, так и главе государства, а последние уже взаимно уравновешивают друг друга. Однако для преодоления естественного для демократии разлада между различными партиями, часто парализующего работу парламента и не идущего

⁷Võitlus. 1933. 21 sept.

⁸Ibid. 1934. 6 märts.

⁹Ibid. 1932. 22 okt.

¹⁰Ibid. 1933. 24 aug.

¹¹Ibid. 1932. 13 aug.

¹²Ibid. 1933. 11 veebr.

щего на пользу нации, необходимо было дать всенародно избранному лидеру инструменты для предотвращения подобных кризисов [14, с. 27]. Эта позиция подтверждается и «вапсовской» конституцией 1934 года. Согласно ей, государственный строй страны менялся с парламентской республики на президентскую, глава государства получал широкие, но не диктаторские полномочия. Президент не имел никакой власти над изменением конституции и по-прежнему подчинялся решениям референдумов – сохранялся механизм выдвижения любой инициативы на всенародное голосование. Захват власти, по конституции, был в принципе невозможен, а в 1934 году Константину Пятсу пришлось явно нарушить целый ряд положений документа для установления своей диктатуры [17].

В пользу того что «вапсы» не стремились к захвату власти, свидетельствует и отсутствие в их идеологии «фюрерпринципа». Бесспорно, организация партии была авторитарной: центральный орган – конгресс, состоящий из членов от всех местных представительств, – избирался центральным комитетом («keskjuhatus»), однако на этом его полномочия де-факто заканчивались. Параллельно с комитетом функционировал совет («nõukogu»), состоящий из членов комитета и уездных руководителей. На практике вся власть в партии была сконцентрирована именно в руках совета и комитета, поскольку эти два органа имели все рычаги для поддержания статус-кво бесконечно долго, в частности путем переноса заседаний конгресса и наложения вето на решения уездных съездов. Позже в систему управления добавился штаб («peastaab»), который должен был стать исполнительным органом для реализации решений совета и комитета на практике. Помимо этого, множество должностей в верхушке партии было совмещено: например, Артур Сирк был одновременно и вице-председателем партии (заседая одновременно в комитете и совете), и главой штаба, и главой отдела пропаганды (одного из департаментов штаба), и так называемым лидером избирательной кампании (вре-

менная должность на период президентских выборов с очень широкими полномочиями). Таким образом, на практике власть в партии принадлежала небольшому числу партийных функционеров, а само управление было основано на принципе военной организации, строго «сверху вниз» [14, с. 321–333].

Вместе с тем в партии отсутствовал явный, бесспорный лидер. Формальным лидером движения был генерал Андрес Ларка как наиболее высокопоставленный офицер. Однако это был человек очень мягкого характера, без каких-либо ярко выраженных лидерских качеств, проводивший большую часть времени на своей загородной ферме, отстранившийся от политики. Неформальным лидером считался Артур Сирк, молодой таллинский адвокат, энергичный и харизматичный человек, который не смог стать формальным лидером ввиду возраста и звания – во время войны он был всего лишь лейтенантом. Бытует мнение, что в случае победы «вапсов» на выборах Сирк без труда бы сделал генерала Ларку своей марионеткой и управлял бы страной «из тени» [1, с. 109]. Но это маловероятно: во-первых, Сирк стал сколько-нибудь заметным функционером движения только после того, как его покинули другие видные герои Освободительной войны, т. е. его авторитет не был абсолютным и его легко затмевали другие влиятельные личности; во-вторых, хотя Сирк действительно обладал широкой властью внутри партии, его воля не была абсолютной. Показателен эпизод внутрипартийной борьбы в преддверии выборов 1934 года: Сирк намеревался сформировать коалицию с партией поселенцев и выдвинуть общего кандидата – генерала Йохана Лайдонера, национального героя страны, который, по его мнению, был бы достойным лидером нации, хотя и не состоял в рядах «вапсов». В конечном итоге инициатива Сирка не нашла одобрения у остального руководства – было принято решение выставить собственного кандидата в лице генерала Ларки [14, с. 377–381].

Таким образом, у «вапсов» отсутствовали как явно авторитарные амбиции, так и «фюрер-

принцип» внутри партии, что сильно отличает их от других фашистских движений межвоенного периода. Однако следует также принимать во внимание непосредственно авторитарное устройство партии, что могло бы в конечном счете привести к «естественному» авторитаризму, если бы «вапсам» удалось как получить большинство в парламенте, так и вывести в президенты страны своего кандидата.

Безусловно, «вапсов» роднит с идеологией фашизма абсолютное неприятие марксизма. Идеи об интернационализме и борьбе классов виделись как пагубные для дальнейшего существования эстонской нации: интернационализм должен был уничтожить нацию как таковую, борьба классов – сравнить общественность между собой, что, разумеется, никак не вязалось с идеей «вапсов» о «народном государстве». Однако следует отметить, что антимарксизм не являлся прерогативой исключительно фашистского движения и был характерен для любых буржуазных партий рассматриваемого периода. Вместе с тем «вапсы» в теории не возражали против реформ социалистического толка: в своих выступлениях они обещали сокращение рабочего дня, достойную оплату труда, защиту прав профсоюзов [14, с. 355].

Подобная тактика в результате принесла свои плоды – на муниципальных выборах 1934 года «вапсам» удалось переманить значительное число избирателей у левых партий. Электоральная база «вапсов» была представлена преимущественно городским населением. В отличие от «традиционного» фашизма, который опирался преимущественно на средний класс, основным сторонником «вапсов» стал именно пролетариат: Союзу удалось собрать от рабочего класса больше голосов, чем традиционным левым партиям в лице социалистов и центристов, вместе взятым. Разумеется, «вапсов» широко поддержали и другие слои городского населения – представители среднего и малого бизнеса, студенты и особенно военные. Однако в сельской местно-

сти «вапсы» потерпели полное поражение, набрав менее 10 % голосов [4, с. 93].

Четкой экономической программы «вапсы» не имели. Их экономические планы подчинялись политическим целям и являлись крайне популистскими: это были довольно наивные идеи о некоем «народном государстве», где как крупный капитал, так и государство работают в тандеме на всеобщее благо, а между рабочими и собственниками найден общий язык ввиду общего национального родства. Тема корпоративизма время от времени поднималась в газете «Võitlus»¹³ в контексте потенциального и выгодного пути развития страны, но никаких четких планов по реализации подобной реформации общества сформулировано так и не было¹⁴.

В религиозном плане «вапсы» не пытались изобрести ничего нового, отдав предпочтение уже имеющимся религиозным деноминациям в стране. Они заявили о полной поддержке традиционных христианских ценностей, столь близких идеалам «народного государства»: патриотизма, самопожертвования, честности и храбрости. В церкви «вапсы» видели естественного союзника против атеистической идеологии марксизма и действующих партий Эстонии. Ввиду происхождения большинство «вапсов» имело наиболее тесные связи с лютеранской церковью Эстонии. Впрочем, имеются свидетельства, что на совместные молебны приглашались и православные священники. В целом религиозный аспект не был ярко выражен в общей идеологии движения [18].

Подводя итоги, можно резюмировать, что идеологические установки «вапсов» не радикальны и достаточно нейтральны, что во многом может быть связано с внутривнутриполитической жизнью межвоенной Эстонии: толерантное отношение к национальным меньшинствам, победа в Освободительной войне и крайне демократический строй не способствовали генезису традиционных ультраправых воззрений. Конечно, определенные протофашистские ус-

¹³Võitlus. 1933. 8 juuli.

¹⁴Ibid. 1934. 3 märts.

тановки можно отследить: в основе идеологии «вапсов» лежит идея о «национальном возрождении» эстонской нации, ее оздоровлении и усилении, однако нет шовинистической направленности, антипатии к другим национальностям, в т. ч. евреям. Идеи милитаризма также выражены достаточно умеренно: хотя воинская доблесть прославляется, внешнеполитические амбиции и территориальные претензии отсутствуют. Несмотря на авторитарную структуру партии, «вапсы» не стремились к захвату власти и уничтожению парламентаризма в стране, придерживались курса на создание президентской республи-

ки. Не было в партии и однозначного лидера, и «фюрерпринципа». То, что «вапсы» являлись яркими антимарксистами, объясняется историческими предпосылками и действиями радикальных коммунистов в первой Эстонской Республике. На основании этих данных определение «вапсов» как «эстонских гитлеровцев» не выдерживает критики, а классифицировать их как фашистов на момент ликвидации движения весной 1934 года также весьма затруднительно. Предположения о том, как бы движение «вапсов» эволюционировало, если бы они пришли к власти, теперь уже навсегда останутся только предположениями.

Список литературы

1. *Zemmerberg C.* История Эстонской Республики / пер. с эст. Д. Брунса. Таллин: KPD, 2013. 399 с.
2. *Weyland K.* Assault on Democracy: Communism, Fascism, and Authoritarianism During the Interwar Years. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2021. 360 p.
3. История Эстонской ССР: (С древнейших времен до наших дней) / под ред. Г.И. Наана. Таллин: Эст. гос. изд-во, 1952. 552 с.
4. *Kasekamp A.* The Radical Right in Interwar Estonia. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2000. 218 p.
5. *Valge J.* Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid: ideoloogia, poliitiline taktika ja kontaktid // Tuna. 2009. № 3. Lk. 50–62.
6. *Valge J.* Eesti parlament 1917–1940: poliitiline ajalugu. Tallinn: Eesti Rahvusraamatukogu, 2019. 679 lk.
7. *Крийска А., Мясалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паюр А., Таниберг Т.* История Эстонии / пер. Э. Вяря. Таллин: Avita, 2020. 350 с.
8. *Payne S.G.* A History of Fascism, 1914–1945. Wisconsin: Univ. Wisconsin Press, 1995. 613 p.
9. *Kasekamp A.* Fascism by Popular Initiative: The Rise and Fall of the *Vaps* Movement in Estonia // Fascism. 2015. Vol. 4, № 2. P. 155–168. <http://dx.doi.org/10.1163/22116257-00402006>
10. *Taylor N.* Estonia: A Modern History. London: Hurst & Company, 2018. 255 p.
11. Conditions of Democracy in Europe, 1919–39 / ed. by D. Berg-Schlosser, J. Mitchell. London: Palgrave Macmillan, 2000. 521 p.
12. *Pajur A.* Kolm murdepunkti Eesti sisepoliitikas 1918–1934 // Tuna. 2008. № 1. Lk. 6–16.
13. *Kuuli O.* Vapsidest Isamaaliiduni: fašismi ja fašismivastase võitluse ajaloost kodanlikus Eestis. Tallinn: Eesti Raamat, 1976. 236 lk.
14. *Marandi R.* Must-valge lipu all: Vabadussõjalaste liikumine Eestis 1929–1937. 1. Legaalne periood (1929–1934). Stockholm: Centre for Baltic Stud., 1991. 551 lk.
15. *Graf M.* Parteid Eesti Vabariigis 1918–1934, koos eellooga (1905–1917) ja jääreellooga (1934–1940). Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2000. 511 lk.
16. *Kasekamp A.* Radical Right-Wing Movements in the North-East Baltic // J. Contemp. Hist. 1999. Vol. 34, № 4. P. 587–600.
17. *Kenkmann P.* Kas 1933. aasta põhiseadus lubas autoritaarset valitsemist? // Tuna. 2009. № 3. Lk. 42–49.
18. *Saard R.* Mustas talaaris mustvalge lipu all. Vabadussõjalaste religioonipoliitika, kirik ja vaimulikkond // Tuna. 2009. № 3. Lk. 63–79.

References

1. Zetterberg S. *Istoriya Estonskoy Respubliki* [History of Estonia]. Tallinn, 2013. 399 p.
2. Weyland K. *Assault on Democracy: Communism, Fascism, and Authoritarianism During the Interwar Years*. Cambridge, 2021. 360 p.
3. Naan G. *Istoriya Estonskoy SSR: (S drevneyshikh vremen do nashikh dney)* [History of the Estonian SSR: (From the Earliest Times to the Present Day)]. Tallinn, 1952. 552 p.
4. Kasekamp A. *The Radical Right in Interwar Estonia*. Houndmills, 2000. 218 p.
5. Valge J. Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid: ideoloogia, poliitiline taktika ja kontaktid. *Tuna*, 2009, no. 3, pp. 50–62.
6. Valge J. *Eesti parlament 1917–1940: poliitiline ajalugu*. Tallinn, 2019. 679 p.
7. Kriiska A., Mäesalu A., Selart A., Põltsam- Jürjo I., Piirimäe P., Seppel M., Andresen A., Pajur A., Tannberg T. *Istoriya Estonii* [History of Estonia]. Tallinn, 2020. 350 p.
8. Payne S.G. *A History of Fascism, 1914–1945*. Madison, 1995. 613 p.
9. Kasekamp A. Fascism by Popular Initiative: The Rise and Fall of the *Vaps* Movement in Estonia. *Fascism*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 155–168. <http://dx.doi.org/10.1163/22116257-00402006>
10. Taylor N. *Estonia: A Modern History*. London, 2018. 255 p.
11. Berg-Schlosser D., Mitchell J. (eds.). *Conditions of Democracy in Europe, 1919–39*. London, 2000. 521 p.
12. Pajur A. Kolm murdepunkti Eesti sisepoliitikas 1918–1934. *Tuna*, 2008, no. 1, pp. 6–16.
13. Kuuli O. *Vapsidest Isamaaliiduni: fašismi ja fašismivastase võitluse ajaloost kodanlikus Eestis*. Tallinn, 1976. 236 p.
14. Marandi R. *Must-valge lipu all: Vabadussõjalaste liikumine Eestis 1929–1937. 1. Legaalne periood (1929–1934)*. Stockholm, 1991. 551 p.
15. Graf M. *Parteid Eesti Vabariigis 1918–1934, koos eellooga (1905–1917) ja jäärelooga (1934–1940)*. Tallinn, 2000. 511 p.
16. Kasekamp A. Radical Right-Wing Movements in the North-East Baltic. *J. Contemp. Hist.*, 1999, vol. 34, no. 4, pp. 587–600.
17. Kenkman P. Kas 1933. aasta põhiseadus lubas autoritaarset valitsemist? *Tuna*, 2009, no. 3, pp. 42–49.
18. Saard R. Mustas talaaris mustvalge lipu all. Vabadussõjalaste religioonipoliitika, kirik ja vaimulikkond. *Tuna*, 2009, no. 3, pp. 63–79.

Информация об авторе

М. Смирнов – аспирант высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (адрес: 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14).

Information about the author

Maksim Smirnov, Postgraduate Student, Higher School of Philosophy, History and Social Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University (address: ul. A. Nevskogo 14, Kaliningrad, 236041, Russia).

Поступила в редакцию 24.06.2024
Одобрена после рецензирования 16.09.2024
Принята к публикации 18.09.2024

Submitted 24 June 2024
Approved after reviewing 16 September 2024
Accepted for publication 18 September 2024